

П.С. Романов

Русь. Том II

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Р69

Р69 **Романов П.С.**
Русь. Том II / П.С. Романов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 418 с.

ISBN 978-5-4241-1647-6

Романов Пантелеймон Сергеевич (24. 07.1884, с. Петровское, ныне Одоевского района Тульской области, – 8. 4. 1938, Москва), русский советский писатель. Из дворян. Писал лирико-психологические и сатирические рассказы (сборник «Рассказы», 1925), обличая спекуляцию, бюрократизм, обывательщину, трусость, а также произведения, посвященные вопросам современного быта и морали (рассказ «Без черёмухи», 1926, вызвавший резкую критику в печати; роман «Новая скрижаль», 1928; повесть «Товарищ Кисляков», 1930). В автобиографической повести «Детство» (1926) и романе-эпопее «Русь» (ч. 1–5, 1922–36) рисует усадьбную Россию перед 1-й мировой войной 1914–18, затем войну вплоть до Февральской революции 1917. Прозе Р. свойственны лиризм и юмор, мастерство диалога, ясный, реалистический язык. К её недостаткам относятся не всегда чёткая авторская позиция, некоторая поверхностность наблюдений и выводов.

ISBN 978-5-4241-1647-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П.С. Романов, 2021

Том II

Часть IV

I

С момента объявления войны вся Европа пришла в лихорадочное движение.

Она была похожа на загоревшуюся с разных концов деревню, когда люди стоят и с замиранием сердца ждут, куда кинет ветер, какая ещё изба загорится.

Так и здесь все с нетерпением ждали, какая ещё держава выступит.

В состоянии войны находились уже пять государств. С одной стороны — Германия, Австрия, с другой — Россия, Франция и Сербия.

И уже это давало небывалую в истории цифру войск — около пятнадцати миллионов человек, призванных под ружьё.

По единодушному заключению правительств России и Франции, Германия была признана инициатором загоревшейся войны и мечтала о том, чтобы расширить посредством захватов свою территорию и укрепить своё влияние над миром.

Тогда как Россия выставила на своём знамени самоотверженную защиту свободы единоверных славян и не помышляла ни о каких захватах (кроме приобретения Константинополя и проливов, а также отобрания Армении у турок и освобождения Галиции из-под власти Австро-Венгрии).

Франция, выступившая «по долгу чести» как союзница России, была вполне солидарна с ней в высоких освободительных целях.

Она, со своей стороны, жаждала освободить Европу от бронированного кулака Германии, тем более что таким путём ей можно было отобрать у Германии Эльзас и Лотарингию и многое другое, что ещё задолго до выступления Германии было обусловлено и точно договорено между Россией и Францией.

Выступление Японии и Черногории, а в особенности Бельгии на стороне России и Франции было встречено ими с таким восторгом, что на время даже забыли о Сербии, первоначальной жертве германского империализма.

Глаза всех были устремлены на Англию, владычицу морей. Её выступление на той или на другой стороне было бы роковым для тех, кто оказался бы её противником.

Англия молчала. С одной стороны, в качестве официального посредника мира всё ещё надеясь на предотвращение дипломатическим путём ужасного бедствия, с другой — боясь, как бы из-за её слишком поспешного выявления своей позиции не расстроилась уже разгоравшаяся война. Последнее лишало её возможности ослабить нектати возросшую мощь Германии и заодно отобрать её африканские колонии.

Наконец, 23 июля, когда германские войска вторглись в Бельгию, Англия объявила о своём выступлении на стороне России и Франции.

Освободительный характер войны, отсутствие захватнических целей и сознание своей правоты давали державам тройственного согласия высокое одушевление и моральный подъём.

Русская интеллигенция говорила, что эта война является самой благородной из всех ранее бывших войн именно потому, что её цель — защитить слабейшего и сохранить мир в Европе, который нарушила Германия.

Но если бы в тот самый момент, когда улицы и площади всех столиц Европы

были покрыты толпами патриотически настроенной публики, Германия с Австрией отказались бы от своих требований и война прекратилась — то все эти люди были бы поражены, как громом, раздавшимся среди ясного неба.

Разочарование и упадок духа больше всего охватили бы, конечно, воинственно настроенных промышленников. А многие почувствовали бы, что у них утрачена надежда на яркую перемену жизни и новую романтику.

Так бывает, когда скучающие гости приготовились было к блестящему фейерверку и весёлой прогулке, но вдруг из-за плохой погоды отменилось и то и другое.

II

Современники писали и говорили, что не было ни одной сколько-нибудь значительной группы, которая высказывалась бы против войны.

В самом деле, начавшиеся было во время приезда Пуанкаре по всей России забастовки с баррикадами на улицах, как протест против подготавливавшейся со стороны правительств России и Франции бойни, были сравнительно легко ликвидированы, бунты среди призванных запасных также легко и быстро были усмирены, за исключением Барнаула, где пришлось пустить кровь несколько раньше, чем предполагалось.

Даже у большинства рабочих, как сообщали правительственные газеты, после принятия министерством внутренних дел соответствующих мер, «стал наблюдаться заметный поворот к патриотизму, и все нездоровые социалистические настроения были быстро изжиты». За границей было то же.

Ещё за день до того, как раздался первый выстрел, и германская социал-демократия, и французские официальные социалисты, и английские тред-юнионисты — все рабочие партии, входившие в состав Второго интернационала, — говорили, что готовящаяся война явится империалистической бойней, вызванной буржуазией обеих коалиций. И все эти партии, организации и вожди, вроде Вандервельде, Густава Эрве и Шейдемана, призывали рабочих бороться против этой преступнейшей из войн.

Но едва только раздался первый выстрел, как Вандервельде удостоился неожиданной для него чести получить министерский портфель, Эрве внезапно охватил патриотический энтузиазм, а в Англии в органе британской социалистической партии «Жюстис» появилась статья, в которой говорилось, что они, социалисты, постараются употребить всё своё влияние к установлению возможно скорее разумного мира, не стесняя усилий правительства, направленных к одержанию быстрой победы на суше и на море.

Таким образом, западные социалисты стали верными союзниками своих правительств.

Общее единение нарушала только группа Розы Люксембург и русских большевиков во главе с Лениным, который и до первого выстрела, и п о с л е него писал, что «целью войны является борьба за рынки и стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариат всех стран, натравить наёмных рабов одной нации против наёмных рабов другой на пользу буржуазии».

Либеральная русская интеллигенция, наследница Хомяковых и Киреевских, чувствовала, что наконец-то настал великий час, когда русский народ призван показать перед всем миром свою моральную силу и беспримерный патриотизм,

которым издавна славилась Россия.

Патриотический подъём в самом деле вспыхнул с необычайной силой. Он проявлялся в бесчисленных манифестациях, торжественных молебствиях. Отравляли это настроение только рабочие. Так, например, проходя с манифестацией в Москве мимо дома генерал-губернатора, они запели «Дружно, товарищи, в ногу», а в Петербурге провожали призванных запасных с красными флагами и революционными песнями.

Дворянство, земства, городские управления и отдельные лица — все они посылали телеграммы правительству с заявлениями о готовности защищать родину до последней капли крови.

И чем больше людей и учреждений посылало такие телеграммы, тем большее количество людей оказывалось вынужденным сделать то же, чтобы их молчание не было понято как проявление холодности и отсутствия патриотизма.

Вспоминались времена Минина и Пожарского. Говорили, что купечество и промышленники исполнят свою роль Мининых и дадут неисчерпаемые источники средств.

В состоянии этого подъёма хотелось, чтобы события начались как можно скорее и уж наверное.

Даже многие из принципиальных противников всякого насилия были готовы приложить свои силы к общему делу, но при условии, чтобы их помощь не служила убийству людей. А если бы и служила, то при условии, что эта война является последней.

И так как эта война, по их мнению, последняя, то каждый должен, не колеблясь, пожертвовать всем, отдать все силы без всяких разговоров на великое дело освобождения мира от грубой силы германского милитаризма. И враг тот, кто осмеливается говорить против войны!

Стали популярны слова Николая II, который сказал, что он не прекратит войны до тех пор, пока хоть один неприятельский солдат останется на его земле, и что он доведёт до конца войну, какою бы она ни была.

Это изречение, хоть и было повторением чужих слов (Александра I в войну с Наполеоном), влило новую струю подъёма и вызвало целую бурю энтузиазма с коленопреклонением столичной публики перед Зимним дворцом. Потом конец фразы переврали и стали говорить: «Доведём войну до конца, какой бы он ни был».

Это изречение и явилось лозунгом, под которым пошла вся буржуазная интеллигенция и который слил воедино почти все её враждовавшие до того группы.

III

Если бы в яркое солнечное утро 22 июля 1914 года посмотрели на Москву откуда-нибудь издали, например, с Воробьёвых гор, то показалось бы, что в ней всё обыкновенно, как всегда.

Так же блестела на лугу и на тенистом берегу под берёзами не высушенная ещё солнцем роса. Так же, как всегда, по другую сторону реки виднелись огороды с капустой, пустующие места, какие-то сорные, занавоженные пространства, которые всегда бывают на окраинах больших городов.

А за ними в тумане и утреннем дыму искрились и сверкали кресты церквей, полыхали на солнце вечно новым золотом купола соборов, темнели древние, как

бы обросшие мохом столетий, кремлёвские башни. И надо всем этим возвышался блещущий, сверкающий золотом громадный купол храма Христа.

Была та тишина и ясность воздуха и резкость очертаний, какие бывают только в ясные предосенние утра. Но уже при самом въезде в город сразу было видно, что случилось что-то огромное, что подняло на ноги всю старую Москву с её тесными кривыми улицами, крестами старинных церквочек, чайными, трактирами и булочными в крадёнках в окнах.

Вниз по Тверской, по Лубянке и Мясницкой от Красных ворот, запрудив улицы и тротуары, шли толпы людей. Над головами их впереди колыхались портреты царя, короля сербского, несомые на длинных шестах, похожих на те, на которых носят церковные хоругви. Пение гимна, слышное ещё издали, отдавалось в переулках, сливаясь и мешаясь с пением других процессий.

Из раскрытых на утреннее солнце окон, высунувшись до пояса, смотрели те, кто не вышел на улицу, и что-то кричали, махали руками и платками.

— Поднялась, матушка, — сказала, перекрестившись, какая-то старушка в чёрной шали и с плетёной корзиной на руке, когда два людских потока — один со стороны Лубянки, другой — с Большой Дмитровки — соединились на Театральной площади в сплошное море голов.

В одном месте пели гимн, в другом — «Спаси, господи, люди твоя», и два мотива, перемешиваясь и перебивая один другой, сливались с бодрым и более скорым по темпу звоном колоколов ближней церкви в Охотном ряду.

Иногда поток останавливался, мальчишки перебежали на тротуар и вскакивали на тумбы, чтобы лучше видеть.

Какой-то военный говорил речь, стоя в остановившемся автомобиле. Что говорил, не было слышно, но вся залившая площадь толпа была полна одним чувством и только ждала заключительных слов, чтобы закричать «ура», замахать шапками, платками и тронуться дальше.

Крики толпы, речи ораторов, возбуждённый говор шедших в рядах людей, колокольный звон — всё это сливалось в один поток звуков, наполнявших вместе с потоками утреннего солнца площади и улицы Москвы. И вдруг донесли откуда-то совсем новые звуки, звуки полковой музыки, ещё более бодрые, ещё более отвечавшие тому чувству, каким была полна толпа.

— Идут, идут! — закричали кругом. И все, приподнимаясь на цыпочки, вскакивая на тумбы, на камни от чинимой мостовой и нажимая друг на друга, таялись увидеть войска, первыми отправлявшиеся на позиции.

С горы Лубянской площади мимо старой Китайской стены шли ряды войск, поблёскивая на солнце мерно колеблющейся шёткой штыков и приковывая к себе общее внимание новой, странно-непривычной для глаза походной защитной формой.

Войска, казалось, без конца выливались сверху, занимая всю середину улицы и оттесняя на две стороны чёрную толпу народа.

Впереди блестящих на солнце медных инструментов оркестра ехали в ряд на красивых вычищенных тонконогих лошадях четыре офицера в фуражках и перчатках. Лошадь под одним, возбуждённая толпой и криками, всё повертывалась боком, поперёк движения, горячилась и гнула кольцо шеи, роняя с удил пену. Офицер, прищипывая коня, выравнивал его в голову с остальными, не замечая устремлённых на него взглядов всех бесчисленных людей, наполнявших

площадь.

На углу Воскресенской площади, у ресторана Тестова, стоял человек в поддёвке, в белом картузе на курчавых волосах и разгоревшимися глазами провожал проходившие мимо него на Красную площадь шеренги солдат, мерно и звучно отбивавших шаг в своих новых, выданных для похода сапогах.

Он то оглядывался на махавших из окон платками, то в нетерпении поднимался на цыпочки и водил глазами по сторонам с тем беспокойно-приподнятым видом, с каким общительные люди, взволнованные зрелищем, ищут, с кем бы поделиться своим чувством.

— Владимир, и ты здесь? — сказал, подойдя к нему сквозь толпу, высокий и спокойный человек в сером костюме, серой шляпе и пальто, перекинутом на руку.

Спрошенный растерянно, как бы не отдавая себе отчёта, оглянулся, и вдруг всё его лицо, ещё отражавшее на себе настроение толпы, мгновенно преобразилось. В нём выразилось величайшее удивление и радость.

— Валентин!.. — закричал он, широко раскрыв объятия, так что близ стоявшие удивлённо оглянулись, — чтоб тебя! Откуда ты? Ведь ты говорил, что в Питер поедешь?

— Туда я ещё не доехал. Задержали, как всегда, важные дела.

— Не доехал? — как эхо, повторил Владимир и сейчас же с другим выражением прибавил: — Видал, сколько народища? Сила-то какая, сила-то! Вот она, Русь, матушка! Настал великий час, как говорил Аvenir. Именно, брат, великий час! Ура-а! — закричал он вдруг, как ужаленный, когда из-за поворота улицы показались казаки с лихо заломленными папахами и с пиками у стремян.

Он хотел было вскочить на свободную тумбу, чтобы взмахнуть картузом, но не попал ногой. Ближние, оглянувшись на него, сначала было засмеялись, потом тоже закричали «ура», и этот крик прокатился гулко по всей площади.

Где-то близко заиграл военный оркестр. Кто-то крикнул:

— Да здравствуют славные казаки!

И опять по всей площади, всё усиливаясь, прокатилось «ура», смешалось с музыкой, но не заглушило её, а слилось в сплошной гул.

— Первый раз их столько вижу, — восторженно сказал Владимир, — вот какие они!..

— Я уже во второй, — отозвался Валентин, — в девятьсот пятом году видел.

— Валентин, голубчик, пробьёмся на площадь! — говорил Владимир каким-то плачущим голосом.

— Что же, пробьёмся, — согласился Валентин.

— Ты что-то равнодушен, кажется? — спросил вдруг Владимир, внимательно и настороженно взглянув на Валентина.

— Ну, как равнодушен, я не равнодушен.

— То-то брат, нельзя, — момент такой.

Толпа, колыхнувшись, двинулась куда-то вперёд, и в очистившееся пространство ринулись новые толпы.

Старая дама в чёрной со стеклярусом шляпке испуганно поднималась на цыпочки и оглядывалась, точно потеряв выход. Барышня с молодым человеком в форменной судейской фуражке, до этого стоявшие на тротуаре прижатыми к стене, тоже бросились вперёд.